

Французский реваншизм в 1871-1914 гг.: мифы и реальность

Бодров Андрей Владимирович

Кандидат наук

Санкт-Петербургский государственный университет, Исторический факультет,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bodrovandrew@yandex.ru

Франко-германский антагонизм, порожденный итогами франко-прусской войны 1870-1871 гг., принято рассматривать как одну из главных причин возникновения Первой мировой войны. В центре его лежало нежелание Франции признать легитимным отторжение Германией ее пограничных провинций Эльзас и значительной части Лотарингии. С легкой руки В. Гюго, мысль о необходимости исправления этой «несправедливости» получила название «реванша». Идея реванша на долгие десятилетия окрасила отношение французов к Германии и еще современниками была признана в качестве стержня, объединившего разобщенное французское общество [2, с. 148; 10, S. 85].

Но при всей значимости этой проблемы, как справедливо отмечено Б. Жоли, [8, р. 325] в мировой историографии до сих пор не существует сколько-нибудь полного и обобщающего исследования французского реваншизма 1871-1914 гг. Самая известная классическая работа А. Контамина [6] почти исключительно посвящена военной стороне проблемы. В рамках отечественной исторической науки наиболее значимый вклад внесли Е.В. Тарле [3] и А.З. Манфред [1, с. 140, 206, 270]. Между тем, современные исследователи, так или иначе затрагивающие проблему французского реваншизма, все чаще рассматривают последний как мощный исторический миф. Р. Чрестил полагает, что представление о нем во многом было ретроспективно сформировано двумя мировыми войнами, придавшими франко-германским противоречиям оттенок непримиримости [5, р. 44]. К тому же выводу приходит и Б. Жоли, указавший на негативное отношение к войне-реваншу многочисленных представителей правящей элиты Третьей республики [8, р. 348]. Но признание этого факта не делает мифическим сам Реванш: исследование В. Шивельбуша [9, S. 11-49] выявляет целый ряд общих аспектов «культуры поражения», одинаково глубоко повлиявшей на американский Юг после окончания Гражданской войны, на Францию после 1871 г. и на Германию после 1918 г.

Сам миф реванша, как справедливо полагает С. Одуэн-Рузо, зародился еще в ходе франко-прусской войны, когда были развеяны последние надежды деблокировать Париж. Именно тогда выкристаллизовался основной парадокс этого мифа: готовность примириться с поражением в «непосредственном настоящем» и нежелание, тем не менее, признавать это поражение окончательным [4, р. 407]. Однако этот новый и «модный», по выражению одной тогдашней французской газеты, термин в последующие за войной десятилетия включил в себя массу смыслов и оттенков и не сводился к одному лишь призыву к скорейшему отвоеванию Эльзас-Лотарингии. Именно такое более широкое понимание данного исторического феномена, как представляется, и должно стать основой его дальнейшего изучения.

Изученные автором исторические источники позволяют утверждать, что последняя треть XIX-начало XX вв. действительно не были окрашены для Франции религиозной

ненавистью к Германии. Особенно верно это было для французских правящих кругов, питавших к Германии скорее смешанные чувства: чувство страха при сохранении духа соперничества, уважения и даже восхищения, но не симпатии. Неготовность «поколения 1870-го года» предать забвению итоги войны соседствовала с представлением о некоей закономерности германских успехов и с мыслью об отставании Франции от своего ближайшего соседа в целом ряде областей. Реванш в отношении Германии по этому подразумевал не просто подготовку к войне ради возврата утраченного, не только восстановление национального престижа, но и соревнование с германским примером, модернизацию как изначальную предпосылку и неперемное условие будущей военной победы.

В сознании французской политической, военной и интеллектуальной элиты, равно как и рядовых французов, преобладало представление о том, что реванш – это дело будущих поколений. Однако эта далекая цель никогда не покидала расчетов текущей политики, многое определяя как в вопросе воспитания этих поколений, так и в сфере дипломатии и реорганизации вооруженных сил. Разговоры о новой войне против Германии оказались практически исключены из французского политического и дипломатического лексикона, но французское руководство при этом так же явно давало понять, что не считает для себя закрытым «эльзас-лотарингский вопрос», пусть и надеется на мирное его разрешение. Проверка же знаний нового «поколения реванша» показывала, сколь слабым порой было проникновение в его сознание ключевых фигур, дат и символов французской истории, на которых замыкался республиканский и националистический дискурс [11, р. 130].

Реванш как феномен французского послевоенного сознания был многогранен. Он всегда отталкивался от неприятия поражения Франции и мог принимать формы мирного состязания с Германией в области «художественного вкуса», в науке, промышленности, а впоследствии и в спорте. Сюда можно включить также попытки французов утвердить собственную интерпретацию событий войны 1870-1871 годов, завоевать моральное превосходство над недавним противником и приобрести сочувствие европейского общественного мнения. Предварительным условием Реванша было достижение внутринационального согласия, он был тесно связан с ростом французского национализма. Однако успех воинственной риторики П. Деруледа или генерала Буланже у французской публики еще не означал решимости французов воевать как можно скорее вновь [7, р. 374]. В сознании основной массы французов преобладал страх перед войной, пусть он и не делал из них пацифистов.

Источники и литература

1. Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975.
2. Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки / Пер. с нем: В 2 т. Т. II. СПб., 1879.
3. Тарле Е.В. Эльзас-Лотарингский вопрос накануне Великой европейской войны (1915) // Сочинения: В 12 тт. Т. XI. М., 1963. С. 431-443.
4. Audoin-Rouzeau S. French Public Opinion in 1870-71 and the Emergence of Total War // On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861-1871. Cambridge, 1997.

5. Chrastil R. Organizing for war: France, 1870–1914. Baton Rouge, 2010.
6. Contamine H. La Revanche, 1871-1914. Paris, 1957.
7. Joly B. Deroulede. L'inventeur du nationalism francais. Paris, 1998.
8. Joly B. La France et la Revanche, 1871–1914 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Vol. 46. 1999. № 2. P. 325–348.
9. Schivelbusch W. Die Kultur der Niederlage. 2. Aufl. Berlin, 2007.
10. Schlüter J. Die Französische Kriegs- und Revanche-Dichtung. Heilbronn, 1878.
11. Taithe B. Citizenship and Wars: France in Turmoil, 1870-1871. N.Y. and London, 2001.